

Многоликая политика

Сборник статей

Андрей Новиков

**Многоликая политика.
Сборник статей**

«Издательские решения»

Новиков А. В.

Многоликая политика. Сборник статей / А. В. Новиков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968255-0

В сборнике собраны статьи, посвященные анализу актуальных политических практик и технологий современного информационного общества, рассмотрены новые тенденции в развитии многоликого мира политики.

ISBN 978-5-44-968255-0

© Новиков А. В.
© Издательские решения

Содержание

Мухаев Р. Т. Политика в постмодерне: набор практик манипуляции знаками	6
Алешин И. К. Постулаты демократии и политические практики в современной России	10
Ерохина Д. В. Современная бюрократия: проблема эффективности	14
Жданов А. И. Эрозия республиканских институтов Древнего Рима: причины и последствия	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Многоликая политика Сборник статей

**Рашид Тазитдинович Мухаев
Андрей Вадимович Новиков**

© Рашид Тазитдинович Мухаев, 2019

© Андрей Вадимович Новиков, 2019

ISBN 978-5-4496-8255-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мухаев Р. Т. Политика в постмодерне: набор практик манипуляции знаками

доктор политических наук, профессор

РЭУ им. Г. В. Плеханова

Медиатизация и цифровизация различных сфер жизни современного общества коснулась и политики, где произошел переход к практикам символического господства. По этой причине, технологии создания универсальных практик перешли в виртуальную плоскость. Конструирование политического порядка, его легитимация, воздействие на восприятия целевых групп, их поведение осуществляются посредством создания привлекательного образа государства, политических элит, технологий позиционирования в мировом общественном мнении. способность их

Новая современная философия, именуемая постмодернизмом, предлагает обществу особый стиль мышления и качественно новые воззрения на события, происходящие в мире. Произошедшие к концу XX – началу XXI века социальные изменения оказались столь значительными, что прежние исследуемые понятия и сущности стали исчезать. На новом этапе технологического развития общество столкнулось с такими проблемами как перегрузка информацией, приводящая к постоянным стрессам; манипуляции масс-медиа сознанием индивида, погружение его в виртуальную жизнь. Эпоха постмодерна предложила совершенно другую модель реальности, где экономический обмен трансформировался в символический, знаковый. Сегодня общество имеет дело не только с естественной и искусственно созданной культурной средой, но и со средой виртуальной, что предопределяет возникновение качественно новых отношений с окружающей реальностью, в частности проблему соотношения действительности и ее знакового отображения. способность их

В эпоху постмодерна ключевыми становятся информационное общество, доминирование СМИ, распространение виртуализированного сознания, наделение социальных реальностей совокупностью символов. Теорию символов и знаков разрабатывал французский философ-постмодернист, культуролог Ж. Бодрийяр. Символы и знаки составляют коды потребления, которые олицетворяют необходимые нам ценности. Эпоху постмодернизма Ж. Бодрийяр определяет эпохой гиперреальности, которая представляет собой искусственную, виртуальную реальность, где соотношенность вещей и символов утрачена [1]. В эпоху постмодерна – во время тотальной симуляции – реальность вытесняется и заменяется симулякрами, то есть ложными понятиями, знаками или образами отсутствующей действительности, выступающие подделками и копиями, не соответствующие оригиналу [1]. Симулякры в гиперреальности становятся частью общественного сознания.

В постмодерне главным производителем реальности стали СМИ, которые включают и окружают, фактически, все стороны жизнедеятельности индивида. В постиндустриальную эпоху масс-медиа производят симулякры как особые продукты, формирующие среду, в котором живет индивид. В настоящее время образы, создаваемые средствами массовой информации, стали вытеснять существующую реальность. Согласно Ж. Бодрийяру, закончилась не только история, но и сама реальность, уступив место симулятивной гиперреальности [3, с. 190—191]. Так, он считает, что предпосылками развития гиперреальности стали следующие тенденции:

1. Материалы и формы вещей не обуславливаются ни функциями, ни операциями вещей, которые с ними производит индивид;
2. Телесные передвижения и усилия заменяются электронными командами;

3. Процессы миниатюризируются во времени и в пространстве. [4, С. 119]

Стоит отметить, что идеология постмодерна представляет собой проект глобального управления (манипуляции) и тотального контроля в мировом масштабе. Цель данного проекта заключается в том, чтобы установить «новый мировой порядок», принципиально новое информационное пространство, где будет осуществляться глобальное манипулирование всеми участниками процессов глобализации. То есть все социальные образования (народы, страны и т. д.) попадут под глобальный контроль, что будет означать утрату суверенности и самостоятельности. В постмодерне люди уже не приобретают то, в чем на самом деле нуждаются. В современном обществе потребления идет масштабная подмена традиционных ценностей. В качестве новой системы ценностей и интересов выступают символы, образы, знаки, которые навязываются обществу в качестве основных и системообразующих смыслов, базовых культурных кодов. Превращение данных символов и знаков в самодостаточную действительность означает упразднение социального и отмену реального.

В нынешнем обществе потребления индивиду впервые предоставляется возможность «реализовать» и «раскрепостить» себя. Сегодня система потребления проходит дальше чистого потребления, давая «самовыразиться» индивиду, образуя вокруг него совершенно новую культуру. Вещи приобретают новые характеристики, перемещаясь в сферу символов, и потребляются уже, прежде всего, не вещи, а символы и знаки. Со временем предметы потребления утрачивают функцию полезности. Потребительская стоимость в постмодерне заменяется символической стоимостью. Общество начинает приобретать символ, который представляет собой не престиж, не благополучие, не счастье, а выступает как знак престижа, благополучия, счастья и, наконец, как знак реальности. Приобретаемые знаки не столько удовлетворяют конкретные потребности общества, сколько служат символами, которые свидетельствуют о принадлежности индивида к определенной социальной группе. Такое потребление знаков и символов, в конечном счете, влияет на складывание особого стиля жизни индивида, определяемого индивидуальной системой ценностей [10, с. 28].

Различие в стилях жизни определяется качеством восприятия и воспроизведения модных знаков. Некоторые индивиды используют их для удовлетворения своего желания быть приверженцем какой-либо социальной группы, другие, наоборот, пользуются модными знаками в качестве средства проявления собственной индивидуальности, эстетического вкуса, нарушения правил. В постиндустриальном обществе нет знаков, не являющиеся товаром. Все знаки – автомобили, одежда, обувь, аксессуары, телефоны, еда и т. д. – производятся, обмениваются и продаются. Таким образом, возникает и утверждается знаковый обмен, то есть общество производит, обменивает и потребляет символы и образы реальных вещей, имиджи, которые оторвались от оригинала. Так, складывается присущая современному социуму ситуация, в которой присутствует только оболочка, а сама сущность отсутствует («кофе без кофеина», «война без войны» и т. д.).

Предметы потребления становятся частью знаковой системы. Потребление вещей является систематическим актом манипуляции знаками. Чтобы стать символом потребления, предмет изначально должен стать знаком. По Ж. Бодрийяру образ проходит через четыре стадии [2, с. 69]:

1. Образ отражает объективную реальность.
2. Образ извращает окружающую реальность.
3. Образ маскирует отсутствие реальности.
4. Образ становится «симулякром», то есть копией без оригинала, которая существует сама по себе, без всякого отношения к реальности.

На каждой стадии образ становится все более, а реальность все менее важной. Если сначала он стремится копировать реальность, то в конце обходится уже без нее, где образ полностью поглощает действительность. В настоящее время весь мир, буквально, состоит из копий,

не имеющих основания в действительности, кроме собственной. Сегодняшний мир – это мир самосоотносимых символов, абсолютно искусственный мир, где в центре интересов находится мир символов в различных областях общественной жизни (политической, экономической, социальной, духовной и т. д.). Увеличение производства образов, символов и знаков ведет к тому, что в современном обществе размывается граница, которая прежде отделяла реальность от гиперреальности, жизнь от театральной постановки, политику от шоу. Таким образом, сегодня материальная действительность дополняется, а иногда и заменяется символом и знаком виртуальной реальности. Так, сегодня виртуальными становятся товары и вещи, взаимодействия людей, политические действия, экономические обмены и все, что окружает человека.

Общество обычно понятие «виртуальность» связывает с компьютерами. Однако сегодня данное явление получает более широкое распространение, благодаря расширению информационных технологий. В настоящее время СМИ представляют человеку широкий выбор жизненных стратегий, под лозунгом «как надо». Любое сообщение средств массовой информации содержит смысл демонстративности и престижности. Так, независимо от воли и сознания человека, через него, поверх его и помимо его проходят явления и процессы, над которыми он не властен. Если компьютер можно выключить, кликнув на кнопку мыши, чтобы уйти от виртуального мира, то всю социально-политическую гиперреальность, существующую вокруг, выключить никак нельзя. С каждым днем жизнь индивида все больше приобретает сценический характер, уподобляясь драматической комедии. Еще в 1967 г. Г. Дебор назвал современное общество «обществом спектакля», где истина и действительность больше не существует, а вместо них господствуют шоу-политика и шоу-правосудие [5, С. 23]. Со временем уже не только зрители, но и сами постановщики этого спектакля не в состоянии разобраться, где кончается постановка, а где начинается собственно жизнь. И здесь нельзя не согласиться с французским исследователем К. Видалем в том, что весь мир в конце концов превратился в один большой Диснейленд [6, с. 177]. Сегодня любое явление или мероприятие обретает право на существование лишь как составная часть большого сценария, проявляясь через интернет, рекламу, пропаганду и т. д. Однако во всех своих формах постановка сохраняет главное – утверждение всякой человеческой жизни как простой виртуальной видимости.

В своей повседневной жизни индивид постоянно вживается в образы, навязанных ему извне, бессознательно воспринимает еще вчера чуждые ему модели поведения. Тем самым, вместе с поведенческими стереотипами, он также воспринимает и заложенные в них идеологические установки. Никто и ничто кроме масс-медиа не заставляют человека поступать так, а не иначе. Людям настойчиво, раз за разом, повторяют однотипные ситуации, пока не доведут до автоматизма их ответные реакции. Так, сегодня уже идеология как таковая не нужна для управления обществом, сегодня достаточно с помощью рекламы или пропаганды внедрить стереотипы поведения [9, с. 150].

Логику воздействия СМИ на человека Ж. Бодрийяр называет «логикой Деда Мороза». «Это не логика тезиса и доказательства, но логика легенды и вовлеченности в нее. Мы в нее не верим, и, однако, она нам дорога» [7, с. 150]. Человек «верит» рекламе так же, как ребенок верит Деду Морозу. В современном обществе решающее воздействие на покупателя оказывает не столько риторический или информационный дискурс о достоинствах вещи, сколько скрытые мотивы престижности и счастья. Индивид очень чувствителен к скрытым мотивам дара и заботы, с которой рекламщики его уговаривают и убеждают приобрести вещи, предвосхищая и рационально оправдывая их в его собственных глазах [7, с. 167]. «Вещь нацелена на вас, она вас любит. А поскольку она вас любит, вы и сами себя чувствуете существующим – вы «персонализированы» [8, с. 216]. Смысл современного общества – манипуляция символами, знаками, образами, что помогает человеку перейти от массовизации к персонализации.

Реклама создает мотивации для человека, тем самым управляя им. Хуже всего для индивида самому придумывать для себя мотивации, устанавливать цели для достижения и получе-

ния чего-либо. Работа масс-медиа направлены на то, чтобы избавить индивида от «страданий» по поводу выбора хорошей или плохой одежды, шампуня, сорта сыра, журнала и т. д. Человек не должен оставаться предоставленным самому себе, за него мотивацию выбора создают и подсказывают другие. Так, индивид постепенно лишается возможности выстраивать свой собственный выбор. Человек от рождения до смерти точно знает, что ему нужно, он живет по четко заданному маршруту, сойти с которого в обществе воспринимается проявлением инфантилизма или безумия. Всю жизнь он думает, что делает самостоятельный выбор, однако, на самом деле, выбор за него делают «другие». Например, социологические опросы общественного мнения, где респонденты выражают не собственное мнение, а воспроизводят то, что ранее было создано в виде системы симулякров СМИ.

Сегодня для управления обществом достаточно виртуальных шоу, генерированные технологиями СМИ и властными структурами, которые скрывают от общества объективную реальность. Цель у всех таких шоу одна – создать такие условия, при которых иерархия ценностей для большинства общества будет зависеть от порядка подачи информации в масс-медиа. В гиперреальности рациональное знание уходит на второй план, уступая место вере.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. //Электронная библиотека. Доступ: RoyalLib.Com (проверено 7. 04. 2018)
2. Бодрийяр, Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Ж. Бодрийяр; пер. с франц. Н. Сулова. – Екатеринбург: У—Фактория, 2006. – 199 с.
3. «Жан Бодрийяр» / А. А. Грицанов, Н. Л. Кацук. – Мн.: Книжный Дом, 2008. – 256 с.
4. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр; пер. с франц. С. Н. Зенкина. – М.: «Добросвет», 2000. – 387 с.
5. Дебор Г. Общество спектакля. – М.: ЛОГОС, 2000. – 183 с.
6. Ильин И. П. Эранеобарокко: постмодернизм восьмидесятых и девяностых годов / Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М.: Интрада, 1998. – 227 с.
7. Павловская, Е. Э. Дизайн рекламы: поколение NEXT: Стратегия творческого проектирования / Е. Э. Павловская. – СПб.: Питер, 2004. – 318 с.
8. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук, 2001. – 656 с.

Алешин И. К. Постулаты демократии и политические практики в современной России

РЭУ им. Г. В. Плеханова

Аннотация. В статье анализируются основные демократические постулаты, закрепленные в Конституции РФ: основы государственного строя, права и свободы граждан; пределы исполнительной, законодательной и судебной властей, президента страны. Насколько эффективно действует на практике Конституция РФ и какие положения нуждаются в тщательном анализе и возможном изменении?

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, работа «системы сдержек и противовесов», легислатура полномочий высших органов государственной власти, вертикаль власти, кризис легитимности

Введение. В 1993 году произошло событие, которое вошло во все учебники истории и политологии. Впервые в истории Новейшей России на всенародном референдуме была принята Конституция Российской Федерации. 12 декабря 1993 года за ее принятие было отдано 58% голосов. С того момента прошло 25 лет, если рассматривать основной закон страны в целом, то можно сказать о том, что со времен первого президента России, Б. Н. Ельцина, он претерпел незначительные изменения, Были вношены поправки в 65 статью Конституции РФ о количестве субъектов РФ, также была внесена поправка, касающаяся увеличения сроков полномочий Президента Российской Федерации и Государственной думы, а также усиления контрольных полномочий Государственной думы в отношении Правительства Российской Федерации). На протяжении последних нескольких лет, также произошло несколько поправок, однако если рассматривать их в целом, то смело можно сказать: значительного влияния на основной закон страны и его влияние на государственный строй, суверенитет и все российское общество в целом они не произвели.

Основы конституционного строя и политические практики. Стоит отметить, что несмотря на демократический характер Конституции РФ, все-таки определенные не устранённые противоречия существуют до сегодняшнего момента.

Прежде всего, в статье 5, пункт 2, главы 1, где говорится о том, что «Республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство. Край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ имеет свой устав и законодательство» [1]. Здесь существуют противоречия, связанные с неравнозначностью республики и других субъектов страны. С одной стороны, положение полностью соответствует принципу федерализма, где субъекты страны имеют определенную самостоятельность от центра и положение «об уставах в краях и автономных округах» имеет формальный характер», очевидно, что конституции республик и уставы регионов не должны противоречить федеральному законодательству. С другой стороны, признание правового неравенства других субъектов Российской Федерации, не являющимися республиками. Связано это с тем, что в Конституции возвеличивается статус республики, как независимой структурной единицы, что может привести к возникновению сепаратистских настроениях, которые в конечном счете могут вылиться в гражданскую войну («чеченский сепаратизм двух гражданских воин» это ярко нам продемонстрировал). Для того, чтобы не допустить повторения неблагоприятных исторических событий, необходимо урвать все 85 субъектов Российской Федерации.

Как видится, выходом из этой ситуации могут стать следующие предложения. Например, по мнению Н. М. Добрынина, без какого-либо ущерба для государственного устройства страны необходимо придать всем субъектам равный конституционно-правовой статус и значительно сократить количество их видов: до республик и исторически сложившейся формы – губерний. Другая точка зрения, поддерживаемая многими авторами, – разумное укрупнение регионов, создание, к примеру, таких субъектов, как Западная и Восточная Сибирь, Северо-Запад, Большая Волга и т. д. По нашему мнению, оба предложения заслуживают самого пристального внимания законодателя [7].

Другим, не менее значимым обстоятельством, в действующей Конституции РФ является «система сдержек и противовесов» и легислатура полномочий трех ветвей власти. Стоит отметить, что ввиду определенных политических процессов, которые напрямую связаны с рядом факторов: незавершенностью формирования гражданского общества, низкой политической социализации граждан, неоднородности групп и клика на политической арене, происходит фактическое сосредоточение власти в руках президента страны – «он выполняет не только представительские, но и исполнительные функции, а также обладает законодательными полномочиями» [2].

Важнейшей проблемой конституционного регулирования являются также и положения о «ветвях» власти. Так, очевидно противоречие ст. 10 и ст. 11 Конституции: в первой говорится о трех традиционных ветвях власти (законодательной, исполнительной, судебной), а во второй упоминается власть президента страны. В ст. 10 Конституции говорится о самостоятельности законодательной, исполнительной и судебной власти, но нет принципиального положения о единстве государственной власти, хотя еще фактический создатель базового деления властей Ш.Л. де Монтескье говорил о том, что они должны быть в единстве, дополняя и поддерживая друг друга [5]. Однако на практике, к сожалению, этого не наблюдается. Обеспечить их эффективную работу можно 2 способами: сращение 3 ветвей власти в одну, однако это может привести к узурпации власти и как следствие – авторитаризму. Вторым способом является их взаимная подотчетность друг другу (ежегодный отчет Правительства перед парламентом, принятие бюджета нижней палатой парламента, именно Государственная Дума дает добро Президенту РФ, чтобы назначить Председателя Правительства РФ). Однако огромный минус заключается в том, что фактически судебная власть действует автономно от двух остальных, что может привести в будущем к необратимым последствиям (злоупотребление Конституционным судом своих полномочий, отмена законов, невыгодных для представителей Конституционного суда РФ и т.д.).

Главной экономической основой государства является ее национальная валюта. В соответствии со статьей 75 «Денежной единицей в Российской Федерации является рубль. Денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации. Введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются.» Возникает определенная коллизия, связанная с самим статусом денежно-кредитной организации. С одной стороны, ЦБ по своим функциям и полномочиям в определенной степени происходит интеракция между организацией и государством (главу Центробанка назначает Госдума, происходит эмиссия денежных средств), а с другой стороны, это автономия в принятии и ведении денежного курса.

Определенная часть общественности утверждает, что все функции, которые выполняет ЦБ, направлены на реализацию исключительно личных интересов, однако валютный кризис 2014—2015 годов показал, что ЦБ РФ в целом неплохо справился с отражением американской атаки на рубль. Таким образом, хоть в будущем и представляется правильным напрямую подчинить ЦБ государству, однако проблема эта не критична.

Проблема соотношения международного и российского права. Год, когда Конституция была принята на референдуме был достаточно нестабилен во всех сферах жизни.

В политической сфере – конфликт законодательной власти и президента, в экономической – приватизация «для избранных», в социальной – рост безработицы, нестабильности в обществе, в духовной – распад моральных ценностей, присущих советскому человеку. Несмотря на это, Конституция РФ вобрала в себя общепринятые принципы и нормы международного права, которые стали ее морально-правовой основой. Это было отражено в статье 15 Конституции РФ, в соответствии с которой приоритет отдается нормам международного права. Стоит отметить, что в данном случае мы наблюдаем так называемую коллизию российского права. С одной стороны, при принятии международного договора, следует его приоритет перед российскими законами. С другой, и это нашло свое отражение в ч.6 ст.125 Конституции, при противоречии международного договора Конституции, нормы международного договора не применяются.

Из двойственного характера Конституции проистекают многие особенности, проблемы современного конституционного законодательства. Поскольку при конкретизации и детализации конституционных положений законодательные органы вынуждены изворачиваться, создавая, с правовой точки зрения, буфер между Конституцией юридического характера и Конституцией «реальной жизни». К этим неоднородностям относятся: ненормативные законы, закон замещающее указное право, практика подменных толкований Конституции, судебные решения, выступающие в качестве источников права, внутри федеративные договоры и многие другие «уродцы», коверкающие правовую систему в целом и систему конституционного законодательства в особенности. Самый ощутимый ущерб, нанесенный Конституцией системе законодательства, состоит в том, что она вопреки сложившейся отечественной конституционной традиции перестала быть для этой системы формообразующим и системообразующим документом. То есть в ней отсутствуют полный перечень и иерархия нормативных правовых актов в Российской Федерации. Только в шести статьях Конституции очень бегло и неполно упоминается о необходимости соответствия одних нормативных актов другим (ч.2 ст.15; ч.3 ст.76; ч.5 ст. 6; ч.6 ст.76; ч.3 ст.90; ч.1 ст.115).

Причем, в трех из шести случаев положения Конституции не являются императивными – вместо формулы «не могут противоречить» сказано, что они «не должны противоречить» (ч.2 ст.15; ч.3 ст.90; ч.1 ст.115) [6]. Более того, некоторые эксперты пришли к выводу, что Конституция вовсе не является «Основным законом страны», тому подтверждение решение местных законодателей (Кабардино-Балкарская Республика, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Тува) о присвоении своим

Конституциям статуса основного закона. С одной стороны, безусловно, не стоит акцентировать на обыкновенных названиях внимание. Но, с другой стороны, необходимо создать законодательный механизм закрепления системы иерархии нельзя допускать того, чтобы местные парламенты провозглашали «свои» Конституции выше Конституции страны, т.е. допускать полной автономии от центра. Это может привести к усилению сепаратистских настроений и как следствие – возможной гражданской войне.

Заключение

Подводя итог, можно сказать о том, что был проанализирован ряд вопросов, касающихся действующей Конституции, которые требуют тщательного анализа и обсуждения с различными социальными группами. Несмотря на существенные противоречия главного закона страны, стоит отметить, что это пока единственный демократический механизм в транзитном обществе российского типа. Именно благодаря этому нормативно-правовому акту появилась реальная возможность развития гражданского общества, парламентаризма, высокая степень участия граждан в политической жизни страны. Однако необходимо, чтобы все признаки демократии были отражены в Конституции РФ и обеспечить их эффективность, только тогда ее в полной мере можно будет признать «рабочей» и действующей.

Список литературы

1. Абрамов Р. А., Мухаев Р. Т., Соколов М. С. Критерии эффективности государственного и регионального управления в контексте проектного подхода // Теоретическая и прикладная экономика. 2017. №1. С. 96—112.
2. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года. – М.: 2004.
3. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. «Сашко», 2000 г
4. Безруков А. В. Проблемы взаимодействия Российской Федерации и ее субъектов в сфере исполнительной власти//Журнал Российского права. 2001. №1.
5. Лукьянова Е. А. Закон о законах. \\\ Законодательство. 1999. №11. С. 79—87.
6. Горбуль, Ю. А. Проблемы совершенствования законотворчества в Российской Федерации [Текст] // Журнал российского права. – 2004.
7. Мухаев Р. Т. Политология. Учебник / М: Проспект, 2009. 640 с.
8. Мухаев Р. Теория государства и права. Учебник для бакалавров / М.: Юрайт 2014. Сер. 58 Бакалавр. Академический курс (3-е изд., пер. и доп). 585 с.
9. Мухаев Р. Т. Геополитика. Учебник / М.: Юнити-Дана, 2007. 626 с.
10. Мухаев Р. Т. История государства и права зарубежных стран / М.: ЮНИТИ 2005. (2-е изд., перераб. и доп.). 857 с.
11. Мухаев Р. Т. История государственного управления в России / М.; Юрайт, 2014. 770 с.
12. Мухаев Р. Т. Политология. Учебник для вузов / М.: Приор-издат, 2003. 428 с.
13. Мухаев Р. Т. Политология. Учеб. для вузов / М.: Приор-издат, 2005. 428 с.
14. Мухаев Р. Т. История политических и правовых учений (с хрестоматией на CD). Учебник для бакалавров / М.: Юрайт, 2013. 694 с.
15. Мухаев Р. Т. Теория государства и права. Учебник для бакалавров / М.: Юрайт, 2015. 585 с.

Ерохина Д. В. Современная бюрократия: проблема эффективности

РЭУ им. Г. В. Плеханова

Аннотация. Статья посвящена анализу структуры бюрократии на территории РФ. Выделены определяющие факторы низкой эффективности бюрократических институтов в частности и политической системы в целом, а также приводятся статистические данные, подтверждающие стагнацию, ведущую к упадку в этой сфере. Представлено определение понятия бюрократия в контексте данного исследования. Модель «идеальной бюрократии» М. Вебера сопоставляется с реальным положением дел в среде российской бюрократии. В выводах предложены практические рекомендации касательно трансформации существующих институтов. Их выполнение будет способствовать положительным изменениям в социально-политической и экономической системах общества.

Ключевые слова: внутренняя политика, бюрократия, бюрократизация, политическая система, коррупция, социальные проблемы, модель «идеальной бюрократии», вертикаль власти, процессы информатизации, вертикаль власти.

Концепт бюрократии в современной науке. Оценка и характеристика феномена бюрократии различаются в зависимости от подхода к его анализу. В политологии бюрократия рассматривается как источник формирования каналов коммуникаций, способствующих продуктивному взаимодействию государства и общественных структур, а также является одним из ключевых акторов существующей политической системы. Тем не менее, тезис о продуктивном взаимодействии носит теоретический характер, поскольку ряд представителей политологического подхода характеризовали бюрократию как резко негативное явление (например, К. Маркс).

В социологии, напротив, бюрократический аппарат рассматривается как механизм, развивающийся отдельно от политических событий в обществе. И даже если рассматривать общественные структуры как взаимосвязанные элементы одной системы, бюрократия в рамках данного подхода анализируется как независимая в полной мере от политической реальности составляющая.

Теория рациональной бюрократии была сформулирована немецким социологом и философом М. Вебером. В рамках его концепции деятельность органов государственного управления противопоставлялась системе парламентской республики. Вебер выделял ряд признаков, характерных для модели идеального бюрократического государства:

- Иерархичность – нижестоящие должностные лица подчиняются вышестоящим;
- Специализированный труд – работа в государственном учреждении является основным занятием служащего;
- Четкая система бюрократических процедур, способная обеспечить единообразие выполнения производственных процессов;
- Система приобретения и пребывания в должности, основанная на высоком уровне развития профессиональных навыков и опыте.

Бюрократия подвергается критике, как правило, по следующим критериям:

- Подмена сущности деятельности ее формой. Иными словами, происходит имитация занятости, тогда как на практике осуществляется лишь бесполезная растрата временных и прочих ресурсов;

- Отсутствие ограничений, предохранительных систем против подъема на высокие посты посредственных и безынициативных работников;
- Превалирование личных амбиций и желаний чиновников над деятельностью, ради которой создавалась организация;
- Отсутствие объективного контроля качества производства в ситуации, когда и работник, и контролирующее лицо подчиняются единому центру руководства;
- Склонность бюрократических систем к перерождению в сверхлояльные.

Закономерно, что и сами чиновники защищены от собственной власти (или произвола) не в большей степени, чем другие граждане. Бюрократический режим не предполагает регламентации правовых пределов ни для общества, ни для себя, чем, собственно, продолжает способствовать своему разложению, вызревающему внутри этого режима. Кроме того, в современной российской законодательной системе не представлены реальные механизмы защиты населения от произвола бюрократических структур. Отсутствие единого, поэтапно распланированного и результативного в практическом применении порядка ведет к нарушению одного из базовых условий функционирования рациональной бюрократии по М. Веберу: следование нормативно-законодательной системе. В таком случае государственное правление утрачивает свою продуктивность.

Бюрократия в информационном обществе: угрозы и вызовы. Современная бюрократическая система в России представляет собой малоэффективную модель, как в социально – экономическом, так и в политическом плане. Со временем вертикаль власти стала одним из факторов, оказавших негативное влияние на формирование продуктивно функционирующей системы, способной оперативно отвечать на запросы населения. В первую очередь, такая модель противоречит принципу разделения властей, способствуя концентрации властных полномочий преимущественно в среде органов исполнительной власти. Дисбаланс, который возник в результате искажения системы сдержек и противовесов, также усугубляется социально – экономическими проблемами, ряд которых можно объяснить, в том числе, деятельностью бюрократических институтов.

Другим негативным фактором является получение одним чиновником нескольких разноплановых и ответственных постов. Снижение эффективности деятельности бюрократии как института в таком случае объясняется неспособностью одного лица контролировать большое количество управленческих структур одинаково качественно.

Процессы формирования структур информационного общества в России носят особый характер, в силу некоторых различий, существующих между темпами и моделями развития западных стран и России. Одним из определяющих факторов является, к примеру, отсутствие своевременного перехода от индустриального к постиндустриальному типу общества, из чего следует необходимость скачка со второго уровня на четвертый, минуя постепенное развитие в рамках постиндустриальной модели. Модернизация общества означает, в первую очередь, модернизацию институтов, к которым, в числе других, относится и бюрократия.

Постиндустриальный этап рассматривает повышение квалификации как основное средство производства. Таким образом, иерархичность, выделяемая Вебером в качестве одной из базовых характеристик рациональной бюрократии, трансформируется, принимая вид иерархически – сетевой структуры, что, впрочем, оказывает скорее положительное влияние на качество функционирования бюрократической системы.

Негативное отношение общества к бюрократическим структурам обуславливается низким уровнем эффективности деятельности работников, задействованных в этой сфере. Здесь также сыграл серьезную роль подход самого населения, не сумевшего организовывать и поддерживать в тонусе систему институтов, соответствующих общественным интересам.

Анализируя деятельность граждан, занятых в госсекторе, необходимо учитывать его структуру: сюда относятся непосредственно работники органов исполнительной, законодатель-

ной и судебной власти, работники государственных учреждений (бюджетники), а также персонал государственных компаний. Данное исследование в понятие «бюрократия» включает, в первую очередь, представителей групп номер один и два.

Запрос на административную реформу в России. Итак, российская бюрократия в процессах модернизации играет роль балласта. Согласно законодательным документам, бюрократические институты в стране носят рациональный характер и в целом соответствуют идеалистической модели Вебера. Тем не менее, исследования в соответствующей сфере зачастую доказывают обратное. Наибольший урон развитию наносит коррумпированность органов бюрократической системы. Проблема остается актуальной в течение продолжительного времени на территориях разных государств. Россия не является исключением: в ежегодно обновляемом индексе восприятия коррупции, составляемом международной организацией Transparency International, по состоянию на 2017 год страна находится на 135 позиции.

Неоднозначно складывается ситуация в регионах. Иллюзия рационального контроля «сверху» в рамках действия модели «вертикали власти» не является стабильной, потому что на практике вся сложившаяся ситуация напоминает средневековую местническую систему. Подобный подход не способствует повышению эффективности и, в частности, росту инициативности среди талантливых управленческих кадров.

Таким образом, стереотипы о низком уровне эффективности, заторможенности бюрократии и ее стремлении к изоляции от достижений научно – технического прогресса обусловлены реальным положением дел. Результаты социологических опросов, связанных с проблемой доверия населения к бюрократии, в большинстве случаев подтверждают распространенность подобного мнения среди россиян. Исследование Левада – центр (май 2015 г.) зафиксировало возрастание склонности россиян рассчитывать на решение проблемы с помощью высших эшелонов власти. На вопрос «Как Вы думаете, В. Путин потворствует бюрократии, или ограничивает ее аппетиты?» 64% респондентов в 2015 году выбрали вариант «Ограничивает аппетиты бюрократии, стремящейся использовать в своих интересах достояние России», при том, что в 2013 году процент опрошиваемых, выбравших данный вариант, составил 49%.

В условиях функционирования информационного общества, широкого внедрения достижений технического прогресса в сферы социальной жизни, потребность в бюрократии как отдельном социальном классе снизится, а со временем полностью сойдет на нет, поскольку основную часть ее функций будут выполнять различные программные структуры, что в значительной степени снизит временные затраты на процедуры соответствующего характера. Однако, в силу неопределенности, связанной со сроками реализации подобных проектов, возникает запрос на совершенствование существующей системы, в рамках которой все еще главным действующим звеном является человек, а не результаты достижения технического прогресса.

Несмотря на благоприятные прогнозы, в данный момент процент чиновничьей массы продолжает расти. Статистика, представленная Минфин, демонстрирует следующее: в конце 2017 года в стране насчитывалось 1,273 млн чиновников, что на 5226 человек (0,4%) больше, чем годом ранее. Число госслужащих выросло впервые за 3 года. До конца 2017 года число чиновников 2 года подряд сокращалось в сумме почти на 114 тыс. человек (8,2%) в рамках бюджетного секвестра на фоне спада экономики.

Всего в 2017 году федеральные органы, включенную в статистику, составленную Минфин, получили из бюджета на свое содержание 729,8 млрд руб. – чуть больше, чем годом ранее (725,3 млрд руб.). Около 60% этой суммы, как правило, уходит на зарплаты, отмечает РБК. Самым «дорогостоящим» федеральным органом оказалась Россвязь, которая получает в среднем на одного сотрудника 191,6 млн рублей.

Исходя из перечисленных выше недостатков бюрократической системы, уместно предложить стратегию выхода из критического положения. В первую очередь, необходимо учи-

тывать специфику преобразования государственных институтов в России. На протяжении исторического периода, большинство реформ, направленных на совершенствование функционирования государственного аппарата, базировались на кардинальном отказе от практик прошлых лет, иными словами, традиция планомерных эволюционных преобразований фактически не могла сложиться. На современном этапе наблюдается тенденция к размеренности в принятии нормативных актов, касающихся совершенствования существующей административной системы. Это иллюстрирует, к примеру, принятие Концепции по проведению административной реформы в РФ от 25.10.2005, в которой представлены программы разработки механизмов правового и организационного характера. Впервые выдвигается идея создания интернет – порталов государственных услуг и прочих источников, способных обеспечить эффективное электронное взаимодействие получателей государственных услуг с органами власти, при отсутствии, как такового, посредника в виде бюрократических институтов.

Кроме того, низкую продуктивность бюрократических структур нельзя рассматривать как отдельную проблему. Подобные процессы детерминированы общей неэффективностью и низкой конкурентоспособностью политической системы в целом. Отсутствие бесперебойно функционирующих институтов сдержек и противовесов в политической сфере ведет к концентрации основного объема полномочий в руках исполнительной власти. Президентская вертикаль стала причиной положительных изменений на определенном этапе общественно-экономического развития, но, как упоминалось выше, продолжение моноцентрического курса приведет к стагнации политической системы, из чего следует постоянное снижение качества функционирования большинства государственных институтов, к числу которых относятся и бюрократические организации.

Бюрократическая модель по многим характеристикам проигрывает проектной. Последняя предполагает четкое распределение бюджета, цель, выполнение которой должно быть осуществлено до конкретного дедлайна, а также план, включающий разделение обязанностей с указаниями для каждого участника. Не менее важен фактор гибкости: есть возможность оперативно менять планы. Проектная команда управляет приоритетами и выполняет наиболее важные задачи, а не все сразу. Бюрократическая система, в свою очередь, отличается известной неповоротливостью и неспособностью подстроиться под трансформации тех или иных запросов.

Заключение. Результатом проведенного исследования стали следующие выводы:

– Модель рациональной бюрократии, предложенная М. Вебером, сохраняет актуальность и является ориентиром, с опорой на который государства стремятся выстроить свои бюрократические институты;

– Низкая эффективность бюрократии в современных условиях объясняется рядом конкретных факторов, но сама проблема является лишь одним из признаков, свидетельствующих о стагнации всей политической системы;

– От состояния бюрократического аппарата, профессиональных качеств, уровня компетентности и квалификации работников во многом зависит становление правового государства, стабилизация и развитие Российской Федерации.

Список литературы

1. Акт правительства Российской Федерации «Об организации проектной деятельности в Правительстве России» от 31.10.2018 №1288 // Официальный сайт правительства РФ. 2018 г.

2. Борьба с коррупцией и приговор Е. Васильевой // Левада – Центр URL: <https://www.levada.ru/2015/06/17/borba-s-korrupsiej-i-prigovor-e-vasilevoj/> (дата обращения: 8.11.2018).

3. Исследование РБК: сколько в России чиновников и много ли они зарабатывают // РБК URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/10/2014/543cfe56cbb20f8c4e0b98f2> (дата обращения: 1.11.2018).
4. Численность работников федеральных государственных органов // Минфин России URL: https://www.minfin.ru/OpenData/7710168360-FGO_staff/ (дата обращения: 1.11.2018).
5. CORRUPTION PERCEPTIONS INDEX 2017 // Transparency International – The Global Anti-Corruption Coalition URL: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2017#table (дата обращения: 10.11.2018).
6. Weber, M.: The Theory of Social and Economic Organization / M. Weber – Eastford, USA: New Foreword Martino Publishing, 2012. – 749 p.
7. Weber, M., Gerth, H.: From Max Weber: Essays in sociology / M. Weber, H. Gerth – Ulan Press, 2012. – 519 p.
8. Мухаев Р. Т. Политология. Учебник / М: Проспект, 2009. 640 с.
9. Мухаев Р. Теория государства и права. Учебник для бакалавров / М.: Юрайт 2014. Сер. 58 Бакалавр. Академический курс (3-е изд., пер. и доп). 585 с.
10. Мухаев Р. Т. Геополитика. Учебник / М.: Юнити-Дана, 2007. 626 с.
11. Мухаев Р. Т. История государства и права зарубежных стран / М.: ЮНИТИ 2005. (2-е изд., перераб. и доп.). 857 с.
12. Мухаев Р. Т. История государственного управления в России / М.; Юрайт, 2014. 770 с. – Мухаев Р. Т. Политология. Учебник для вузов / М.: Приор-издат, 2003. 428 с.
13. Абрамов Р. А., Мухаев Р. Т., Соколов М. С. Критерии эффективности государственного и регионального управления в контексте проектного подхода // Теоретическая и прикладная экономика. 2017. №1. С. 96—112.
14. Мухаев Р. Т. Правовые основы российского государства / М.: ЮНИТИ, 2007. 351 с.
15. Мухаев Р. Т. Правоведение. учебник / М.: Юнити, 2013. 431 с.
16. Абрамова О. Г., Мухаев Р. Т. Новая модель публичного управления для современной России // Тренды и управление. 2017. №3. С. 11—32.
17. Мухаев Р. Т. История политических и правовых учений. Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция», 020100 «Философия» и 020200 «Политология» / М.: ЮНИТИ-Дана, 2005. (Изд. 2-е, перераб. и доп.)

Жданов А. И. Эрозия республиканских институтов Древнего Рима: причины и последствия

РЭУ им Г. В. Плеханова

Аннотация. Статья посвящена процессу разрушения демократических институтов и перехода к автократическому стилю управления на примере Римской республики. Опираясь на свидетельства самых разнообразных античных источников и концепции историков, автор делает попытку объяснить суть политического процесса, происходящего в Риме II – I в. до н.э. при помощи политологических, а не исторических концепций, и определить насколько полученные знания актуальны для объяснения современных процессов, происходящих в демократических государствах.

Ключевые слова: Рим; Римская республика; политический процесс; эрозия республиканских институтов; переход к автократии; разрушение институтов; республиканские институты; демократические институты

Введение. Переход от республиканской демократии в Древнем Риме к авторитарным формам господства в конце I в. до н. э. вызывал повышенный интерес среди ученых, поскольку он определил логику последующего развития римского государства и общества. Опыт Древнего Рима, в известной мере, актуален для анализа современных процессов, открывающих возможность попятного движения от демократических форм к автократии,

Проблема перехода Рима от республики к империи является сложнейшей проблемой римской истории. В современной науке существует множество исторических, экономических и геополитических концепций, объясняющих причины и факторы перехода от республиканской формы правления к принципату. При этом целостной картины трансформации институционального порядка Древнего Рима и понимания роли политических факторов в нем, пока не сложились.

В западной исторической науке переход Древнеримского государства от республики к империи объясняется в рамках концепции «аристократической революции» Р. Сайма [1]. По мнению Р. Сайма, наиболее существенным фактором развития Древнего Рима во второй половине I в. до н. э., вплоть до смерти Августа стала борьба аристократических кланов за власть. В духе концепции «аристократической революции» события поздней республики интерпретирует и Дж. Норт. Главную роль в развивающейся римской революции Дж. Норт отводит аристократии [2]. При этом не учитывается роль экономических и социальных факторов в этом глубоком перевороте.

Однако, с точки зрения политического анализа, процессы, происходившие в Риме на рубеже II – I веков до н.э., выходили за рамки борьбы аристократических кланов между собой. Трансформация основополагающих государственных институтов диктуется не только волей элит, должны быть структурные причины: новый общественный запрос, неспособность старых государственных институтов его реализовать, и как следствие, разрушение политической системы.

Концепция революции широко была распространена в отечественной историографии, которая так же трактовала переход от республики к империи в Древнем Риме с точки зрения революции. Так, С. И. Ковалев понимал концепцию римской революции как «революции рабов». События II – I вв. С. И. Ковалев представлял как широкое демократическое по своим движущим силам революционное движение, точнее, как «несколько крупных взрывов рево-

люционного движения», которое, однако, не могло перерасти в революцию. Установление же военных диктатур I в. до н. э. и переход к системе империи был контрреволюцией [3, с. 324—325]. Мнение о том, что установление принципата было реакцией на радикализацию борьбы социальных низов, дает гораздо более комплексное объяснение происходящих в поздней римской республике процессов. Однако, оно не отвечает на вопрос, почему республиканские институты перестали отвечать запросам масс на социальную справедливость, при том, что рабство и политическая борьба плебеев и патрициев продолжалась уже несколько веков.

Сторонники эволюционной концепции перехода Рима от республики к империи принципиально иначе рассматривают события второй половины II – I вв. до н. э. Состояние римского общества и государства они определяют как «кризис», «трансформацию», «процесс обновления», «симптомы адаптации», «переходность» и т. п. В рамках этой концепции Эрнст Мейер рассматривал систему принципата, как форму республики, трансформированную в результате реформ. [4, с. 370]. В то же время, сущность реформы состоит в том, чтобы модернизировать уже имеющиеся институты и обеспечить соответствие политической системы духу времени, а не способствовать её тотальному разрушению. Реформистская концепция не дает ответа на вопрос, почему аграрная и другие проблемы, с которыми столкнулась римская республика, запустили процесс режимной трансформации.

Таким образом, указанные выше подходы в известной мере упрощали проблему перехода Рима от республики к империи, лишали историческую концепцию ее основного методологического звена – социально-политического содержания римской революции, как эрозии республиканских институтов в рамках политогенеза Древнего Рима. На наш взгляд, институциональная трансформация римской республики не может быть осмыслена лишь в границах исторических интерпретаций, а нуждается в системном политологическом анализе, который включает выявление соотношения институциональной среды и политических практик по мере нарастающей дифференциации интересов в римском обществе.

Главное достоинство республиканских институтов – баланс интересов. Римская республика была построена на основе гражданской общины. Несмотря на её явные аристократические черты, её главным достоинством считалось равновесие трех начал: аристократического, монархического и демократического, при широком участии народного собрания в политическом процессе. Действительно, специфика межличностных отношений в Риме определялась тем, что Римская республика оформилась и развивалась как гражданская община – *civitas*. Еще Р. Пёльман определил подобный тип общественных отношений как уравнительно-коммунистические [5, с. 389—394]. О равенстве и коммунизме древних римлян говорил Ж. Вальтер [6, с. 465]. Эти принципы обеспечивали стабильность, закрепляли корпоративный дух, обеспечивали прочную связь индивида с общиной. Такое единение имело много проявлений: общественные раздачи, угощения, общественные культовые праздники, зрелища.

Среди достоинств Римской республики, Полибий выделял равномерность распределения власти между различными органами государства, демократизм в управлении римским государством, влиятельное участие граждан в государственных делах, необходимость государственных органов (в том числе, сената) прежде всего сообразоваться с народом и пользоваться его благоволением [Polyb., VI, 11—15]. Помимо этого, республику отличало предпочтение решать внутренние раздоры при помощи реформ, даже если они идут в разрез с консервативными традициями, на что указывал Тит Ливий. [Liv., IV, 1—2, 4]. Античными авторами римское государство определялось как достояние народа, продукт гражданской общины, как множества людей, связанных согласием. Цицерон подчеркивал, что народ подразумевается, как не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов [Cic. De rep., I, 39—40].

Следовательно, государственный строй Рима в V в. – 27 г. до н.э. представлял собой аристократическую (сенатскую) республику, политическая система которой функционировала

на основе разделения функций высших органов власти (народного собрания, сената и магистратур). Институциональное устройство Римской республики базировалось на принципах выборности, сменяемости, народного участия, ответственности должностных лиц, коллегиальности в принятии решений. Эффективность государственного механизма Римской республики обеспечивалась приматом писаных законов, инклюзивным характером государственных институтов и балансом между цензовой демократией (номинально верховная власть принадлежала римскому народу в лице народных собраний) и властью аристократии.

В этих условиях, переход от республики к принципату был вызван, во-первых, эрозией республиканских институтов (утрата ими своего первоначального значения и полномочий), во-вторых, изменением в политической культуре римского общества (сменой установки на согласование разнородных интересов установкой на силовое установление политического курса, выгодного лишь определённой группе населения) т.е. трансформацией межличностных отношений в сторону радикализации политической борьбы, в-третьих, сломом старых республиканских традиций и законов, как писанных, так и неписанных (утрата значимости республиканских ценностных общественных образцов в политическом сознании населения). Для этого должны были бы быть глубинные причины.

Кризис республиканских институтов: причины и формы. Американский политолог Дэвид Истон представлял политическую жизнь, как поведенческую систему, взаимодействующую с окружающей средой. Для обозначения общественных запросов, поступающих в систему Истон использует понятие «вход», а для обозначения решений и действий, осуществляемых системой – категорию «выход». Основное назначение политической системы, по Истону, заключается в способности адекватно реагировать на поступающие запросы (воздействий) и распределять ограниченные ресурсы в соответствии со значимостью тех или иных запросов. Тем самым для обеспечения собственной жизнеспособности политической системе (и составляющим её институтам) надлежит амортизировать спектр внешних воздействий позитивного, конструктивного и инновационного плана, устранять или абсорбировать влияние любых возмущающих сил [7, с. 93—104]. По Истону, эффективность политической системы определяется ее способностью инкорпорировать возникающие новые группы интересов, обеспечивая их баланс с уже существующими запросами. Тем самым, политическая система при помощи регулирующих механизмов вырабатывает ответные реакции на поступающие импульсы, приспосабливается к внешним условиям функционирования [8].

Экстраполируя теорию Дэвида Истона на анализ деятельности республиканских институтов Древнего Рима, можно предположить, что неспособность политической системы удовлетворить актуальные запросы и привела к разочарованию общества в республиканских методах решения проблем и поиску альтернативного политического порядка. Ярким примером подобной дисфункции является неспособность Римского государства разрешить земельный кризис в рамках традиционного республиканского процесса.

Большинство римского гражданства составлял плебс – plebs. В результате римских завоеваний в Италии и за пределами Апеннинского полуострова, активной колонизационной политики Римской республики это сословие оказалось рассеянным и значительно ослабленным. Сельский плебс – plebs rustica – являл собой множество мелких и средних земельных собственников, которые всегда были на грани разорения и нищеты. Непрерывные римские завоевания сделали этот процесс вполне ощутимым. На материальное положение мелкого и среднего крестьянства отрицательно влияла значительная продолжительность военных походов. Поступление дешевого хлеба из новых провинций, приток денег, рабов и других материальных ценностей в виде военной добычи – все эти явления лишь усиливали экономическое неравенство в римском обществе. Тезис о массовой пауперизации мелких (и даже средних) римских собственников земли присутствует в исторической литературе античности. Так, Плутарх пишет,

что многие из тех, кто сражался за Италию и кого считают «владыками вселенной», «ни единого куска земли не могут назвать своим» [Plut. Tib. Gr., 9].

При этом, римская экспансия обогатила правящий класс: благодаря военным походам и дешевому рабскому труду, он достиг невиданного богатства. Однако, колонизация новых земель разорила мелких землевладельцев, которые были основой республики. Это вызвало резкую имущественную дифференциацию римского гражданства, небывалый рост численности деклассированных элементов, пауперов, маргиналов и т. п., активизировало эгалитарные устремления (требования перераспределения земли, кассации долгов), провоцировало рост социального напряжения, в конце концов делало невозможным гражданское единство, ослабляло общинную солидарность и коллективизм. Настроение того времени в работах современных историков выражались следующим образом: «С какими бы трофеями не возвращались простые солдаты, они по сути сражались за собственное вытеснение» [9, с. 267]

Таким образом, к концу II в. до н.э. в римском обществе сложился запрос на справедливость, охватывающий широкие слои римского общества. Примечательно, что поиск решения аграрного кризиса в умах элиты и простых граждан был на путях постепенно отказа от традиционных республиканских практик и процедур.

Удовлетворить запрос на справедливость, остановив вытеснение бедных крестьян с земли и решить проблему пауперизации крестьян выпало за долю Тиберия Гракха. Он напрямую предложил народному собранию законопроект о восстановлении в правах мелких землевладельцев. С этой целью следовало перераспределить участки римской «общественной земли» в пользу бедняков. Аграрный законопроект затрагивал интересы крупных посессоров государственной земли, а потому встретили ожесточенное сопротивление со стороны правящего класса. Марк Октавий, один из народных трибунов, наложил вето на проект Тиберия Гракха. Попытки Тиберия уговорить Октавия, не дали результатов. Атмосфера накалялась все больше и больше. Тиберий, боясь покушения на свою жизнь, стал носить с собой оружие. Когда трибуны комиции были созваны вторично и Октавий снова заявил свой протест, дело чуть было не дошло до открытого столкновения. После чего логика событий вынудила Тиберия Гракха отказаться от легальных методов борьбы и встать на революционный путь проведения своих преобразований, минуя республиканские процедуры. Обратившись к народному собранию, он предложил сместить Марка Октавия в должности народного трибуна, поставив вопрос: «Должен ли трибун, действующий не в интересах народа, продолжать оставаться в своей должности»? [App., I, 12].

В данных условиях, Тиберий Гракх пошел на слом республиканских институтов, в рамках которых более не представлялось возможным решить проблему маргинализации плебса. Этот шаг вызвал цепную реакцию и, подтолкнул его политических оппонентов также пренебречь республиканскими традициями, физически устранив неудобного политического противника. Римское общество постигло состояние аномии (среди плебса) и политического абсентеизма (среди сенатской аристократии). Аномия – это состояние, описанное Эмилем Дюркгеймом, при котором уменьшается объём отношений и взаимодействий между различными группами, что ведёт к нарушению взаимопонимания, то есть распаду норм, ценностей, устоявшихся практик. В отдельных случаях состояние аномии может привести к дестабилизации общества и желанию изменить политическую систему [11, с. 96—99].

Подобные действия являли собой грубое нарушение республиканских процедур, поскольку в римских обычаях процедуры отзыва магистрата в обычных условиях не существовало. Тем самым, Гракх в своей деятельности вышел за рамки традиционного республиканского процесса, поставив принцип «народного суверенитета» выше легального политического процесса, создав при этом негативный политический прецедент. Последующая реакция его оппонентов носила зеркальный характер. На одно из собраний аристократы явились в боль-

шом количестве со своими клиентами, в результате чего Тиберий и 300 его сторонников были убиты. Ночью тела их были выброшены в Тибр.

Подобное поведение сенаторов не должно вызывать удивления, учитывая тот факт, что к концу II до н.э. деструктивные процессы коснулись и этого, важнейшего, института поддержания республиканского порядка. Во II – I вв. современников особенно поражали и раздражали стремление некоторых сенаторов к роскоши, расточительству и разврату, их желание быстрого обогащения, взяточничество и казнокрадство. Луцилий ставил знак равенства между тем, «кто к власти и к корысти ломится» [пер. Е. Рабинович – *Lucil. Sat.*, XXVII, 29]. Больше других бед коррупция поразила сенат. Дважды во время Югуртинской войны заключался, по определению Саллюстия, «позорный мир», купленный взятками [*Sail. Jug.*, 29, (1); 38, (1)]. Необыкновенно метко охарактеризовал ситуацию в римском сенате и обществе сам Югуртой. Удаляясь из Рима, после того как при помощи лжесвидетельства и подкупа ему удалось оправдаться перед римлянами, он произнес: «Продажный город, обреченный на скорую гибель, если только найдет себе покупателя!» [*Sail. Jug.*, 35 (10)]

Следовательно, кризис Римской республики конца II в. до н.э. являет собой нечто большее, чем борьба аристократии и плебса за земельные наделы. Земельный кризис послужил катализатором деструктивных процессов, обнажив начавшуюся эрозию республиканских институтов. Соответственно, можно определить магистральный путь эрозии республиканских институтов и выявить факторы, которые положили начало перехода от республики к принципату.

К концу II до н.э. перед Римской республикой встала структурная проблема – «скупка государства» аристократией. Римская экспансия и приносимое ею богатство перестало служить обществу в целом – богатство и могущество Рима более не отражалось на благосостоянии его рядовых граждан. Государственные институты превратились в своего рода «обслужу» правящего класса, который более не отождествлял свои интересы с интересами гражданской общины (*civitas*). Согласно Дж. Локку, государство, как продукт общественного договора, обеспечивает достижение общего блага с помощью политической власти и гарантирует юридическое равенство индивидуальных свобод [10, с. 227]. Тем самым, используя концепцию Дж. Локка и приведенные выше факты, можно утверждать, что «общественный договор» между аристократией и римскими гражданами, лежавший в основе Римской республики, к концу II в. до н.э. был денансирован со стороны консервативной сенатской аристократии, которая не желала перемен. В данных условиях снизу римского общества был выдвинут запрос на справедливость, который попытались артикулировать Гай и Тиберий Гракхи.

Вследствие коррупции и нежелания консервативной части Сената к каким-либо социальным переменам в сторону большей инклюзивности римского общества институты Римской Республики подверглись процессам разложения. Римская аристократия достиг феномен, который спустя две тысячи лет назовут «железным законом олигархии». Согласно данной концепции, сформулированной Р. Михельсом, разделение общества на руководящее меньшинство и управляемое большинство неизбежно влечет за собой олигархизацию управления обществом и «захват» демократических институтов представителями одних и тех же олигархических «кланов» [11, с. 97]. В подтверждение данному тезису, показательна история Гая Мария – когда он достиг должности претора, и в 108 г. до н.э. решил вернуться в Рим, чтобы баллотироваться на пост консула, римская аристократия устами Квинта Цецилия Метелла указала ему, что для человека с такой родословной уровень претора – предел мечтаний и Марию стоит беречься «стремлений, не соответствующих его положению» [9, с. 325]. Саллюстий более резко сформулировал ту же мысль в «Заговоре Катилины»: «Большая часть знати горела ненавистью, и считалось как бы осквернением консульской должности, если бы ее достиг новый человек, каким бы выдающимся он ни был». Тем самым аристократы, представляющие, рес-

публиканские институты не могли адекватно ответить на актуальный общественный запрос, что, по Д. Истону, вело к дисфункции политической системы и её дальнейшему разложению.

Эрозия республиканских институтов, тем самым, постигла не только народное собрание, но и сенат, вследствие развития политического абсентеизма среди его членов. Раздробленность сената на политические фракции, засилье и произвол нобилитета, когда решение важных вопросов было предрешено, а дебаты выливались в побоища, – неизбежно должны были вызвать абсентеизм части сенаторов. У Саллюстия мы читаем, что некоторым сенаторам «заботы о делах государственных... совсем не кажутся желанными, так как, с одной стороны, не доблести воздается почет, с другой стороны, те, кому он достался путем обмана, не обретают ни безопасности, ни большого почета» [Sail. lug., 3 (1)].

Тем не менее, после провала гракхианских реформ, вследствие невозможности их проведения в рамках разрушающейся политической системы, запрос масс на реформы остался. Логика событий подсказывает, что в таких случаях, когда традиционные институты не состоят эффективно решать проблемы общества, на сцену выходят харизматичные лидеры-популисты, обещающие массам разрешить всех их проблемы в обмен на чрезвычайные полномочия. Во II – I в до н.э. такими лидерами стали амбициозные полководцы.

Смена типа лидерства и инкорпорация чрезвычайных органов в структуру Римской Республики. К началу I века до н.э. деструктивные процессы в Римской республике продолжают набирать обороты. В результате гражданских конфликтов, войн и переворотов к 82 г. до н.э. в Римской республике оформилась диктатура Луция Корнелия Суллы. Несмотря на декларативную преданность республиканским традициям диктатура Суллы являла собой совершенно новый для Рима политический феномен. Тем не менее, тенденция к персонификации власти в римском обществе оформилась задолго до 82 г. до н. э. В условиях разрушения политической системы римское большинство постепенно начало связывать свои социально-политические ожидания с конкретными политически активными личностями, активизируя развитие монархических (или скорее патерналистских) тенденций.

Основание для прихода к власти автократа заложили описанные выше события конца II в. до н.э. – Тиберий Гракх, поступившись республиканскими процедурами и, опиравшись в осуществлении своих властных полномочий на личный амплуа «защитника народа», явил собой пример нового для Рима политика, который выстраивал легитимацию своей власти по харизматическому типу. По М. Веберу, сущностная характеристика легитимности состоит в том, каково представление граждан о государственной власти. На рубеже II – I в до н.э. рационально-легальный тип господства, имеющий под собой нормативную основу и опирающаяся на демократические процедуры, сменился харизматическим типом господства, связанным с личными качествами политического лидера. [12, С. 139—147]. В политической науке принято связывать утверждение харизматического типа господства с развитием авторитарных тенденций в обществе [13 с. 75]. Тем самым, автор утверждает, что утверждение диктатуры Суллы, в первую очередь, связано с изменением в массовом сознании, а не с его личными качествами. В подтверждение данной гипотезы можно привести тот факт, что в начале I в. до н.э. за власть в Римской республике боролись множество политиков со схожими автократическими наклонностями: Гай Марий, Публий Сульпиций, Гай Марий Младший и т. д.

Диктатура Луция Корнелия Суллы, в первую очередь, характеризуется попыткой насильственными методами «законсервировать» власть сенаторской аристократии. Республиканская традиция была растоптана окончательно политикой проскрипций, террором против политических оппонентов, отменой права трибунской интерцессии, нивелированием роли сената и народного собрания путем кооптации в эти институты лично преданных Сулле политиков. Необходимо отметить, что с момента убийства Тиберия Гракха, которое стало первым проявлением эрозии республиканских институтов, до полного разрушения института народных трибунов прошло чуть больше полувека.

Необходимо отметить, что в осуществлении властных полномочий Сулла больше опирался на личную преданность зависимых от него солдат, чем на республиканскую традицию. Для укрепления своего положения он пошел на частичное решение аграрного вопроса. Так, ветераны Суллы, которые, получив от его имени земельные наделы, оказались связаны с ним клиентскими отношениями и готовы были в любой момент поддержать своего патрона. [App. V. C, Книга I (104)]. Аппиан подчеркивал не только исключительную преданность ветеранов Суллы, но и их заинтересованность в утверждении и укреплении его распоряжений [App. V. C, Книга I (96)].

Следовательно, сулланская диктатура имела лишь внешнее и весьма отдаленное сходство с ранней Республикой: ее сущность и конституционное положение диктатора были совершенно иными. Ослабив правовые механизмы действия республиканских органов власти, Сулла подчинил единой собственной воле и сенат, и народное собрание, и магистратуру. Монархическое положение Суллы отмечали Н. А. Машкин [14, с. 253—254] и С. Л. Утченко [15, с. 82].

Однако и пути перехода от республики к империи стояла демократическая традиция, привитая римскому плебсу. Средством постепенного приучения римлян к идее единой сильной власти стали чрезвычайные органы власти. Важнейшую роль в этом сыграл II триумвират, введенный в римскую республиканскую политическую систему как орган чрезвычайной власти. Если поддержка «снизу» харизматичных политиков (Тиберий Гракх, Гай Марий или Луций Корнелий Сулла) была реакцией демоса на кризис республиканских институтов, то реакцией аристократии стало создание надгосударственных органов управления – «первый триумвират» (политический союз в древнем Риме в составе Гая Юлия Цезаря, Гнея Помпея Великого и Марка Лициния Красса), Дуумвират (союз Цезаря и Помпея), «второй триумвират» (политическое объединение Гая Юлия Цезаря Октавиана, Марка Антония и Марка Эмилия Лепида). Тем самым отказ сенатской аристократии, которая, по крайней мере формально, объявляла себя хранительницей республиканских традиций со времён изгнания царей от следования этим традициям привели к окончательной потере политической системы Римской республики своего статуса. Отныне власть окончательно перешла от институтов к лидерам, что довершило эрозию республиканских институтов. Неслучайно Катон Младший утверждал, что не раздоры между Цезарем и Помпеем принесли республике первейшее и величайшее несчастье, а их дружба. [Plut., Rom. Mag. 47]. В дальнейшей политической борьбе между амбициозными полководцами роль республиканских институтов и вовсе сводилось к легитимизации *post factum* власти победителя. В результате этой борьбы к власти сначала пришел Юлий Цезарь, а потом его приемный сын Октавиан Август, установивший новый образ правления – принципат.

Выводы. Анализ развития политических форм и характера власти в период поздней Римской республики показывает иерархию факторов эрозии республиканских институтов. С территориальной экспансией Римской республики появились новые запросы, которые не могли быть разрешены традиционными республиканскими институтами, так как архитектура политической системы Римской республики не была предназначена для решения возникших проблем, в первую очередь, аграрного вопроса. Перед римской государственной властью возникла проблема создания наиболее адекватной объективному развитию организации политического процесса. Однако элита Римской республики, во-первых, не желала радикальных перемен, которые были необходимы для удовлетворения запроса маргинализирующегося плебса, во-вторых, сама оказалась подвержена деструктивным процессам: коррупции, политическому абсентеизму, ортодоксальному консерватизму, социальному расизму. Тем самым, общественный договор, скрепляющий единство патрицианский семей и плебейских масс, оказался под угрозой.

В условия невозможности разрешить назревшие проблемы в рамках традиционного для Римской республики политического процесса, та и другая сторона возложили свои надежды

на харизматичных лидеров (Гая и Тиберия Гракхов, Луция Корнелия Суллы, Гая Юлия Цезаря и т.д.), презрев республиканские институты. Так как республиканские институты и устоявшиеся нормы перестали быть главенствующими паттернами политического поведения, республику сотряс всплеск политического насилия и радикализации политической борьбы. Что, в свою очередь, явило собой ряд важнейших политических прецедентов. Первый – государственно-правовой прецедент сочетания авторитарной власти при сохранении республиканской системы. Второй – политический прецедент борьбы с личными оппонентами. Третий поведенческий – убийство и террор в отношении политических оппонентов перестал быть социальным табу. Тем самым политическое насилие начало развиваться по спирали, что стирало старые рамки дозволенного и уничтожало республиканские институты. Параллельно процессу эрозии республиканских институтов развивался процесс становления новых, по существу, имперских структур и отношений. Таким образом, были созданы объективные причины перехода от Римской республики к принципату.

Анализ соотношения институциональной среды и деструктивных процессов, происходивших в Римской республике на рубеже II – I в. до н. э., актуален для построения прогнозов и учета ошибок прошлого в политических практиках современных государств, в частности, США. На рубеже XX – XXI веков США стали безусловным мировым гегемоном, вкупе с развитием процессов глобализации, это, с одной стороны, обеспечило мировое лидерство США, а с другой привело к деструктивным проблемам внутри страны. Как и в случае с Римской республикой богатство и могущество государства далеко не для всех граждан отразилось на их собственном благополучии. После того как транснациональные корпорации вывели производства в страны с более низкой стоимостью труда на территории Среднего Запада восточного побережья США тяжелая промышленность пришла в упадок, в результате чего сформировался т.н. «Ржавый пояс», жители которого были «отчуждены» от политики и игнорируемы политическим истеблишментом. В свою очередь политических класс США сам оказался подвергнут деструктивным процессам. Как и римскую аристократию, американские элиты обвиняют в коррупции, непотизме и игнорировании интересов народа. Для обозначения институтов и личностей, которые осуществляют управление государством без соотношения своих решений с согласием управляемых в американской публицистике используют термин «Deep State».

Запрос жителей ржавого пояса, игнорируемый государственными институтами, начали актуализировать харизматичные политические лидеры, подобно римским военачальникам I в. до н. э. В результате чего волна политического недовольства позволила победить на выборах президенту Дональду Трампу, который являет собой новое явление американской политики, основывая свою легитимность исключительно на личной харизме (стоит отметить, что подобный феномен охватил обе партии США). Как и Римскую республику США охватил политический кризис, когда население и элиты оказались более не в состоянии находить приемлемое решение в рамках традиционного политического процесса.

Список литературы

1. Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939.
2. North J. A. The Roman Counter – Revolution // JRS. 1989. Vol. 79.
3. Meyer Er. Romischer Staat und Staatsgedanke. Zurich; Stuttgart, 1961.
4. Пельман Р. История античного коммунизма и социализма // Общая история европейской культуры. Т. 2. СПб., 1910.
5. Walter J. Histoire du communisme. Т. 1. Les origines (judaiques, chretiennes, grecques, latines). P., 1931.
6. Истон Д. Категории системного анализа политики / Политология. Хрестоматия. Сост. Б.А.Исаев, А.С.Тургаев, А.Е.Хренов. СПб., 2006

7. Мухаев Р. Т. Политология: учеб. для студентов вузов / Р. Т. Мухаев. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮРАЙТ, 2018
8. Бирд М. – SPQR. История Древнего Рима/ Мэри Бирд; Пер. с англ. – М.: Альпина, 2017
9. Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч.: в 3 т. – М., 1988. – Т.3.
10. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд/Пер. с фр. с сокр.; Под ред. В. А. Базарова. – М.: Мысль, 1994.
11. Вебер М. Харизматическое господство // Социс. 1988. №5. Пер. с нем. Р. П. Шпаковой.
12. Политология: Хрестоматия / Сост. Б. А. Исаев, А. С. Тургаев, А. Е. Хренов. – СПб.: Питер, 2006.
13. Машкин Н. А. История древнего Рима. М., 1956
14. Утченко С. Л. Цицерон и его время. 2-е изд. М., 1986.
15. Мухаев Р. Теория государства и права. Учебник для бакалавров / М.: Юрайт 2014. Сер. 58 Бакалавр. Академический курс (3-е изд., пер. и доп). 585 с.
16. Мухаев Р. Т. Геополитика. Учебник / М.: Юнити-Дана, 2007. 626 с.
17. Мухаев Р. Т. История государства и права зарубежных стран / М.: ЮНИТИ 2005. (2-е изд., перераб. и доп.). 857 с.
18. Мухаев Р. Т. История государственного управления в России / М.; Юрайт, 2014. 770 с.
19. Мухаев Р. Т. Политология. Учебник для вузов / М.: Приор-издат, 2003. 428 с.
20. Абрамов Р. А., Мухаев Р. Т., Соколов М. С. Критерии эффективности государственного и регионального управления в контексте проектного подхода // Теоретическая и прикладная экономика. 2017. №1. С. 96—112.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.